

Миф, символ, ИСКУССТВО

Е.Н. Лиманова

ОБРАЗ И ИСКУССТВО

Аннотация: В настоящем сочинении автор исследует образ как факт знания, предшествующий понятию и слову. Важно было показать некоторые особенности образа, в первую очередь его имманентность, а так же прояснить понятия «фантазия» и «воображение». По ходу работы было выяснено, что образ ложен, темпорален и интегративен, а искусство есть работа непосредственно с образной системой и попытками выработать новый язык в обход имеющихся. При этом разворачивается проблема трансцендентного как среды для понимания. К работе приложены несколько работ автора на тему статьи.

Abstract: In this paper author explores the image as a fact of knowledge prior to concepts and words. It was important to show some of the features of the image, especially its immanence, as well as to clarify the concepts of "fantasy" and "imagination." The author would like to show that the image is false, temporal, and integrative, and art is the work directly with the system of images and attempts to develop a new language to bypass existing ones. This raises the problem of the transcendent as a medium for understanding. A few art works on the subject of the article are available below.

Ключевые слова: образ, искусство, образная система, язык, понятие, слово, абстракция, смысл

Keywords: image, art, image system, language, concept, word, abstraction, sense

Из-за особенностей личной истории я хорошо помню раннее детство. И помню, как из ярких кусочков собиралась картина мира. Одно из первых моих воспоминаний — удивление от того, что большой круглый красный предмет вдруг оказался не твердым и сладким, а кисловатым и сочным и залил меня соком из лопнувшей тонкой кожицы. Имен в тот момент для меня не существовало, но

сегодня я могу вам сказать «помидор вместо яблока» и получу понимание там, где, казалось бы, оно невозможно, ведь все вкусы, цвета, запахи и тактильные ощущения относятся только к моему телу.

Мне дорого это воспоминание ещё и тем, что оно ярко иллюстрирует работу психики по сбору и систематизации представлений. В этой работе мне бы хотелось прояснить термины «образ», «понятие», «искусство».

1.

Уже в натальном периоде у ребенка есть органы чувств, возможность осваивать окружающий мир и передавать сообщения о своем состоянии. Его психика уже работает, получая и обрабатывая впечатления, и передавая обработанное матери. В этом периоде у матери и ребенка общая химическая среда (она отчасти сохраняется и в процессе кормления). Но всё же просто одной биохимической среды недостаточно для их взаимодействия, и сообщения плод передает с помощью двигательной активности. Уже до рождения отдельные феномены оцениваются, уточняются, собираются в образы. Образ можно трактовать как устойчивый набор связей и отношений между различными феноменами существующий на внутренних уровнях сознания. И если мы сразу же заговорим здесь о представлениях, то окажется, что вся работа психики состоит только в передаче опыта. Это неверно. Опыт вначале обрабатывается для каждого существа отдельно, а уже потом приспособливается к передаче. И вполне возможно, что категории до передачи сообщения и категории в момент передачи сообщения далеко не одинаковы. Нельзя доказать полное тождество категорийного аппарата у каждого отдельного человека, можно приблизительно предположить сходство и удивиться и обрадоваться этому.

Необходимость в манипуляциях для передачи сообщений матери о своем состоянии, неизбежно включает механизм обратной связи для того, чтобы сразу отбрасывать менее эффективные сигналы. Но образы существуют в психике независимо от необходимости передавать сообщения другим. Задача образов — упорядочивать мир, синтезировать разнородные феномены, давать возможность манипулировать с его отдельными частями, решая, что именно считать единой частью, что включить в эту часть, что отбросить как несущественное. Скорее всего, это делается каждый раз по одной общей схеме, но важно не забывать об уникальности каждого случая этой схемы. Отбрасывание различий, и как следствие

уникальности, возможно, если начинать рассматривать взаимодействия только с уровня представлений. Да, представления приходится уточнять, для того, чтобы включиться в существующую систему понятий, которые в человеческом обществе связаны со словами. На уровне представлений человек уже социален, в образной системе — практически нет. Конечно, образ отчасти формируется и на генетическом уровне в виде предрасположенностей, определённого устройства психики и несет в себе следы социального, однако сама работа по созданию образа настолько индивидуальна, что можно её выделять как внесоциальную.

Образная система позволяет человеку жить в мире. Ему достаточно своего опыта и генетически заложенных умений, чтобы существовать в качестве нормального животного. Это доказывают многочисленные случаи включения детей в волчьи стаи. Но чтобы быть человеком, ему необходимы слова. С помощью слова проще передавать и получать сообщения, благодаря слову отдельный опыт отчуждается от носителя, в слове можно переживать чужой опыт, не завися от телесных возможностей, переживая, обрабатывать, уточнять и перезаписывать его, почти как собственный. Слово позволяет выбирать из разных форм опыта конструктивный и переживать ослабленный деструктивный опыт. Слово создает социальные системы. Но система образов, присущая любому из нас и, видимо, ещё и каждому животному, всё же первична.

В своей полноте образ — имманентен. Какими бы яркими не были наши способности к передаче образов, в процессе подгонки образа под представления, понятия и слова часть информации теряется. Кроме того, даже и внутри образ требует постоянной поддержки, поскольку теряет свою насыщенность и яркость вместе с ослабевающими впечатлениями. Некоторые слова, отражающие часто встречающиеся образы, легко вообразимы, необходимые для них впечатления всегда в доступности для органов чувств, их просто скоординировать с окружающими (показав на кошку, мы легко сообщаем, что наши мысли заняты образом кошки), на их основе легко появляются понятия. Но нам необходима способность к абстрактному: не видя кошки, говорить о кошке и узнавать от других, что кошки бывают разные, то есть пользоваться чужим опытом и приспособливать свои представления к общим, внося в них изменения с помощью воображения и фантазии. От этого один шаг до понятий, которые не поддерживаются никаким собственным впечатлением, только лишь представлением.

Там, где создается понятие, образ подстраивается под требования социальной системы, меняется и приспособляется под имеющиеся в ней правила. Понятие — не имманентно, оно наполнено с-мыслом, то есть мыслью, общей для индивидуума и социума. Однако образная система сохраняет свою предельную субъективность. В зависимости от среды, в которой оказывается человек, и методов его воспитания, индивидуальность образной системы подавляется в той или иной степени. В замену человек получает возможность пользоваться чужим опытом. Сравнительный объем в психике понятий и образов, должен быть различным в зависимости от воспитания и других факторов.

Здесь в качестве замечания стоит разделить фантазию и воображение, отдав воображению функцию создавать на основе впечатлений и представлений, распознавать и вызывать из памяти образы, а все операции (агглютинацию, гиперболизацию и т. д.) с образами отнести к фантазии. Фантазия, как оперирование образами, помогает создать представление для понятия так, чтобы в него могли быть непротиворечиво включены разные впечатления. При этом, когда нам пытаются передать для понимания противоречивые впечатления: «он весь круглый, только немножко квадратный», мы либо продолжаем уточнять представления передающего, либо сохраняем в памяти невообразимое понятие как абстрактное. Абстрактные понятия либо будут когда-нибудь поддержаны личными впечатлениями, либо будут использоваться в разговорах для удобства передачи сообщений, не относящихся непосредственно к этому абстрактному понятию.

В частности, «круглый квадрат» невообразим, но мы вполне можем поговорить о нем на семинаре. Вымыслы легко вообразимы, но их сборность будет хорошо заметна, и позволит их существование определять только как сумму существований их частей.

2.

В процессе обмена опытом внутри социальной системы, понятийный аппарат человека приспособляется к существующему извне, а образная система наполняется собственными и заимствованными впечатлениями. Обе части сознания — внутренняя и внешняя изменяются у каждого человека в течение всей жизни. И каждый человек меняет общий для всех понятийный аппарат в той или иной степени, внося в систему понятий уточнения. Этот процесс практически незаметен, но лингвистика утверждает изменчи-

вость любого языка. Здесь важны несколько отличий образа и слова.

А) Каждый раз, когда заходит речь об истинности и ложности, мы вынуждены переходить полностью в систему понятий, теряя твердую почву образной системы, в которой истинно любое впечатление самым своим фактом возникновения, а образ как результат обработки всегда под сомнением, всегда ложен и нуждается в дальнейшей обработке. Для установления «истинно/ложно» мы вынуждены опираться только на социальное и вырабатывать сложные механизмы верификации. Каждому из нас приходится балансировать между доверием сообщениям других и доверием собственным постоянно изменяющимся впечатлениям. При этом сообщения других опираются на понятия, которые достаточно стабильны. Образная система такой опоры дать не может вследствие изменчивости.

Для иллюстрации изменчивости и ложности образа удобно взять образ самого себя. Сначала в него вносятся знания о манипулятивных способностях тела, потом образ «я» дополняется внешностью, внешность меняется каждый день, осознаются телесные процессы и процессы психики. Самопознание не заканчивается до момента смерти. В памяти в образе «я» не жестко фиксируются «я в детстве», «я веселый» и т. п. но если мы решим отыскать границы «я» внутри образной системы, то придется признать своим всё её содержание, присвоив таким способом весь мир, потеряв ориентацию «внутреннее/внешнее» и обнаружив предельную ложность понятия «я». Так же меняются образы близких людей, и все остальные образы претерпевают те или иные изменения.

Б) Благодаря этим непрерывным изменениям, время легко образимо как нечто присущее всякому образу и означающее происходящие в нем изменения, но понятие о времени вырабатывается сложно, поскольку неизменность слова конфликтует с изменчивостью образа.

В) Образ — целостен. Так же сложно для нас как понятие времени понимание целостности до тех пор, пока мы находимся в областях Логоса. Пока мы пользуемся словами, всегда есть кажущаяся возможность разделить события на отдельные составляющие, рассмотреть зависимости между ними, оценить и таким способом передать знание о чем-то другому человеку, но на практике во всей полноте знание не передается. Нам приходится довольствоваться неполными сообщениями, постоянно дополняя их до целого с по-

мощью фантазии. Дополнять эти сообщения нам необходимо, поскольку работать внутри себя нам приходится с образами. Вербальная система в целом подвержена изменениям, но она не слишком быстро расстается с имеющимися понятиями. И этой стабильности достаточно для её существования более длительного, чем существование отдельного человека, а изменчивости достаточно, чтобы приспосабливаться к нуждам меняющегося окружения. Но как бы она не была изменчива, понятие целостности принадлежит области образа, и до конца не может быть расшифровано с помощью других понятий. Здесь хотелось бы обратить внимание, что общность законов развития живого и сходство телесных событий вообще есть одно из условий нашего понимания других. Мы способны сопереживать те процессы, которые протекают в других живых существах. Например, мы легко понимаем, когда животное голодно или мерзнет. И так же мы способны передать свое состояние невербально. Но в процессе воспитания мы отказываемся от понимания ребенка (притворяемся, что не понимаем), вынуждая его переходить на другой, вербальный способ передавать нам сообщения о происходящем с ним, чтобы научить его передавать информацию не только о происходящих, но и о прошедших событиях, пользуясь неизменным понятием для текучего образа.

Образы возникают в нашем сознании на основе способности собирать отдельные представления в системы, где отдельные логические связи существуют только между соседними элементами, но не объясняют всю систему. Эта же способность позволяет нам впоследствии делать выводы на основе целостности подобных систем. Хотя может показаться, что такая способность востребована только в обыденной жизни, но в математике, области, которая особенно яростно претендует на полноту своих суждений и делигитимизирует интуицию, она востребована так же.

Конечно, чаще всего мы способны после сделанного вывода разобрать систему на части и найти логические связи между всеми элементами системы, мы даже можем иногда повторить сборку в обратном порядке (особенно если система построена другим человеком и число связей ограничено способностями другого человека). Однако утверждать на основе этой способности примат логического, только вербального мышления нельзя.

3.

Итак, образная система появляется раньше вербальной и продолжает формироваться в течение всей жизни. Этот процесс рефлексивно протекает в искусстве. Мы всё время пытаемся как уточнить и поменять вербальную систему, вводя в обиход новые термины и меняя старые слова, так и выскользнуть из-под её норм и правил, уйдя в область невербальную, и начать передавать важный и уникальный свой опыт в обход слов или используя слова новыми способами. Подобные практики принято называть искусством. Когда слова подвергаются образному осмыслению, прослушиваются как звуки и ритмы, используются для обращения к образной системе, мы встречаемся с особой формой искусства — литературой. А если мы произносим «искусство», не уточняя, какую именно область мы имеем в виду, скорее всего речь пойдет об изобразительном искусстве, то есть о практике создавать зрительные образы. Это неудивительно, поскольку зрение приносит нам наибольшее количество впечатлений из окружающего мира. Вторым по важности чувством является слух. И само слово для нас в первую очередь звучит. Но музыканты ищут новых отношений со звуками, пытаются передать синтетичность окружающего мира, отрываясь от привычных впечатлений звукового фона и создавая новый гармоничный мир, целиком принадлежащий человеческому усилию и внутреннему пространству сознания.

В обоих случаях мы видим попытки создать язык, не опирающийся на имеющуюся систему понятий и слов. Искусство — всегда попытка создать новый язык, обращаясь непосредственно к чувственному опыту и образной системе. Даже в тех случаях, когда художник или музыкант осваивают созданные до них образцы, многократно повторяют канон, они всё равно создают язык, просто эти попытки не столь радикальны. При этом канон всегда под подозрением, всегда презираем, ведь второй язык обществу не нужен. Обществу необходимо умение и желание снова и снова воспроизводить процесс создания языка, необходима возможность прямого обращения к складывающимся образным системам, вынимание из них всеми возможными способами накопленного опыта и его переработка.

Таким образом, основная задача искусства — поиск новых возможностей для передачи впечатлений и непосредственно сложившихся образов. Эта практика позволяет внутриобщественной коммуникации запасать свободные смысловые ресурсы и иметь дополнительные степени свободы.

Сама по себе система понятий (язык) кроме изменений в процессе использования меняется ещё и с изменением окружающей среды, включая понятия о появляющихся в ней явлениях. Иногда среда меняется так быстро, что язык в полной мере не успевает обрабатывать изменения, и в нем появляется слишком много абстракций, не подкрепленных личным опытом. Техническая революция XIX века ослабила связи человека с естественной средой, и не дала ему понятных и простых отношений со средой искусственной. Этот конфликт усилился за счет разделения труда и отчуждения от целеполагания. Казалось бы, что созданное одним человеком безусловно понятно другому. Однако на практике искусственная среда города должна точно так же осмысляться родившимся человеком, как и естественная природная среда. Для ребенка равно непонятно устройство зверя и автомобиля, родника и крана с водой. Однако от него требуется признание искусственного — своим, а естественного — чужим. В результате появляется большое количество абстракций, понятий, которые необходимы, но почти невозможны в личном опыте. Технологии продолжают стремительно усложняться, наша связь с производством сокращаться, место созидательного труда уменьшаться.

Искусство XX века попыталось отработать эти процессы, пытаясь передать впечатления от абстракций. Однако повернуть вспять процесс невозможно. Чтобы абстракции имели смысл, способный встроиться в образную систему, хотя бы одна из мыслей (либо передающего, либо получающего) должна быть поддержана впечатлениями. Но художник-абстракционист в большинстве случаев надеется, что абстракция поддержана остальными, их впечатлениями, и в результате передает впечатление от непонимания. Таким образом, от абстрактных работ возникает сначала чувство растерянности и обрыва коммуникативного контакта, а потом либо фиксируется личность художника, как знающего нечто запредельное, либо его труды используются как предметы обихода (закрывают на обоях дырку).

4.

Тут следует сделать замечание, что из правила есть исключение. Есть одна абстракция, к которой так или иначе обращались во все времена, и именно это исключение позволило существовать абстрактному искусству и все-таки подозревать некое знание в художнике.

Любая образная система различает впечатления пришедшие извне и внутренние. Мы умеем с детства отличить сон от реальности (более или менее). Однако для понятийной системы такое различие конфликтует с представлением об истинном/ложном. Для языка то, что «существует на самом деле» всегда в той или иной степени находится вне отдельного сознания. Для языка необходимы два сознания, совместное мышление, смысл. И поэтому в языке нет ничего имманентного, только то, что так или иначе способно существовать между одним и другим говорящим. В пределе: никаких двух — только один смысл. Так же как в образной системе нет ничего внешнего, всё что происходит либо происходит, либо нет. То, что происходит, находится внутри сознания. Никакого другого сознания просто нет и быть не может. Однако взаимодействие всё же есть. Логос и Образ идут навстречу друг другу, признавая необходимость и хаоса, и порядка в равной мере.

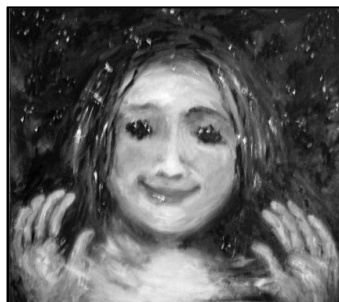
Как человек хаоса, художник, я здесь могу говорить только о тех способах, которые использует образная система, чтобы согласиться со словами. В ней есть отчетливое представление о внешней воле.

Есть нечто, многими ощущаемое, но практически непередаваемое. Есть опыт, который сложнее всего складывается в образ. Это опыт целого, но обладающего чертами личности, внеположенного нам, но ощущаемого только изнутри, неизменного, но живого, неизмеримо нас превышающего, выходящего за пределы нашей образной системы, по сути, нашего мира, но в то же время, влияющего на нашу маленькую жизнь непосредственно. Несмотря на важность и распространенность подобного опыта, ему можно подобрать понятие, но невозможно создать сколько-нибудь близкий образ. Удивительно, даже людям, говорящим на разных языках быстро становится понятно, что речь идет об этом Необразе. В сущности, это и есть сама среда понимания, нечто между людьми, в некоторой степени между животными, и даже неживые предметы захвачены этой средой. Понятие, слово, набор объяснительных понятий, рассуждения, аргументы: всё подходит для Необраза, ничего его не охватывает и живет внутри этой среды. Если представить образную систему как сферу, это будет нечто существующее вне сферы. Все, что можно сказать об этом с помощью слов — Оно есть.

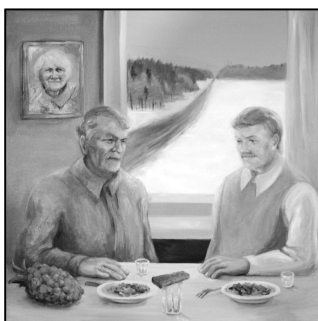
Математики сравнят этот Необраз с единицей, поскольку их математический ум скорее всего будет поражен скудостью и разнообразием образов под понятием «один». А художника, скорее всего,

поразит именно сама возможность понимания и передаваемости состояний от одного человека другому или от внешнего мира к художнику, так же как физиков поражает гравитация. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется, — И нам сочувствие дается, Как нам дается благодать».

В заключение мне хочется приложить несколько работ, написанных на эту тему. Два холста, где я пыталась вспомнить первый образ, складывающийся с первых секунд жизни, и являющий свою изменчивость в течение первого дня. «Первый день» и «Первая ночь».

И холст «Создание памяти», где два брата в минуту важную для них обоих, собирают прожитую жизнь, и договариваются о том, что из неё стоит запоминать.

Сведения об авторе: Лиманова Елена Николаевна, художник